

— Садись в машину, мальчишка. Я чувствую, как эти уроды на меня смотрят! — потребовал дядя Вернон, как только Гарри подошёл к родственникам. Мальчик в расстройстве вздохнул и загрузил свои вещи в багажник, после чего забрался на заднее сиденье, где Дадли запихивал в рот конфету. Его тётя на переднем сиденье тем временем пыталась делать вид, что Гарри вообще не существует. Когда все вещи были убраны и Гарри захлопнул дверцу автомобиля, дядя Вернон рванул прочь от вокзала Кингс-Кросс и всех тех «уродов», что там находились.

Ни Гарри, ни Сириус не были рады тому, что Дамблдор этим летом вообще отправил мальчика обратно к Дурслям, но на данный момент мало что могли сделать. Сириус пока что находился в процессе получения прав опекуна Гарри, однако в связи с массовыми пертурбациями в Министерстве Магии, его заявление, по-видимому, будет ходить по инстанциям гораздо дольше, чем обычно. Поэтому на данный момент у Дамблдора была власть заставить Гарри вернуться в дом родственников, но даже он понимал, что не сможет долго держать Сириуса и его крестника вдали друг от друга. Дамблдор настаивал, что действует лишь в интересах Гарри, и что дом номер четыре на Тисовой Улице обеспечит ему лучшую защиту, чем где-либо ещё, однако мальчику верилось в это с трудом. Гарри не верил в то, что Дамблдор понятия не имел, на что была похожа его жизнь с Дурслями, и догадывался, что директор просто игнорировал это. Как бы то ни было, на следующие пару недель Гарри застрял со своими родственниками и не испытывал от этого счастья.

Пока автомобиль вёз своих пассажиров из Лондона в Литтл-Уингинг, Гарри был рад тишине, наступившей из-за игнорирования его родственниками. Он думал о прошедшей поездке из Хогвартса, ставшей в некоторых отношениях менее насыщенной, чем обычно. Раньше у Малфоя была непреходящая привычка разыскивать его в поезде и по той или иной причине оскорблять, однако в этот раз он слизеринца вообще не видел. Это, а также тот факт, что ему не пришлось выслушивать бесконечную трескотню Рона о квиддиче, сделали поездку намного более спокойной, чем прошлые. Вместо этого он провёл прекрасное время с Дафной, пообещав ей, что будет писать и как можно скорее навестит её.

— Уродец, этим летом всё будет иначе... — пробормотал Вернон, глядя на Гарри через зеркало заднего вида. — Никаких тебе послаблений.

— Я больше не буду вашим рабом, дядя, — ответил Гарри. — Кроме того, я у вас всего на две недели. Это всё, что я могу сказать по этому поводу.

— О чём ты говоришь? — спросил Вернон. — Этот невнятно бормочущий бородатый урод заявил, что ты останешься на всё лето.

— И когда он это сказал? — поинтересовался Гарри, недоумевая, когда Дамблдор успел побывать у них.

— Это было в письме, что мы вчера получили. Его принесла какая-то огромная красная птица, которая чуть не спалила нам дом, — пробормотал Вернон. — Вот в чём проблема с вами, уроды? Всегда используете самый дурацкий способ что-то делать. Почему бы не воспользоваться обычной почтой? Или возьмите чёртов телефон и звоните! Но нет, вы попытаетесь поджарить до хрустящей корочки мой дорогой диван, чтобы отправить простое

сообщение! — Гарри едва обращал внимание на дядю, он был слишком зол, чтобы беспокоиться ещё и о чувствах родственников. Он распознал очередную глупую маленькую игру Дамблдора, но не понимал, какой в этом смысл. Всё это лишь способно вызвать его гнев и гнев крёстного. Он знал, что директор не отказался от веры в то, что для Гарри было важно оставаться с Дурслеями, но всё ещё был немного шокирован тем, что профессор будет лгать ему в попытке сохранить контроль над ситуацией. Сириус будет в ярости, когда узнает, что произошло.

— Не обращайтесь на него внимания, — велел Гарри. — Через две недели я так или иначе от вас уеду. В это время я согласен готовить еду и убирать за собой, но не более того. Косить газон можете заставить Дадли — ему упражнения в любом случае не помешают. — Гарри взглянул на кузена, который видимо даже не понял, что его оскорбили. Шоколадный батончик, который он ел, когда Гарри садился в машину, давно уже закончился и был заменён пакетом со сладкими кренделями. Однако Вернон и Петунья не пропустили словесный выпад в сторону сыночка и оба злобно посмотрели на Гарри.

— Даддличка не виноват в том, что не растерял ещё детский жирок! — закричала Петунья, от чего Гарри захотелось заткнуть уши. — К тому же, у него просто широкая кость, как и у его отца.

— Я не потерплю, чтобы какой-то урод вроде тебя плохо говорил о моей семье, мальчишка, — заявил Вернон своим наиболее угрожающим голосом, но после встречи лицом к лицу с Волдемортом требовалось что-то гораздо более серьёзное, чтобы напугать Гарри.

— Если Вы не заметили, дядя Вернон, я тоже член этой семьи, — сказал Гарри. Он был немного удивлён, когда после этих слов лицо дяди приобрело ярко-красный цвет. — Когда две недели закончатся, я собираюсь жить со своим крёстным. Вы ведь помните Сириуса Блэка, не так ли? Его посадили в тюрьму за убийство всех тех магглов, то есть людей без магии, как вы, а потом он оттуда сбежал — из тюрьмы, откуда сбежать невозможно.

— Значит, они его не поймали? — нервно спросила Петунья.

— Сириус больше никогда не проведёт хоть ещё один день в тюрьме, — ответил Гарри, целенаправленно умолчав о том, что Сириус, конечно, был невиновен в преступлениях, из-за которых там находился, и что все обвинения с него сняты. Его заявление, казалось, утихомирило Дурслей, и он надеялся, что в течение следующих четырнадцати дней они не будут его доставать. Оставшаяся часть пути прошла совершенно спокойно, что сделало поездку самой приятной из тех, которые он когда-либо проводил с родственниками.

* * *

Где-то далеко, под несколькими уровнями мощнейших защитных чар, затаился огромный особняк. Во времена своего первого возвышения Лорд Волдеморт взял это здание под полный контроль, зверски убив его бывшего владельца и всю его семью. За эти годы бывшее жилище превратилось в неприступную крепость, где он чувствовал себя защищённым почти так же

хорошо, как и его противник Дамблдор в своём Хогвартсе. Он понимал конечно, что при наличии соответствующей силы любая крепость может пасть, но ни Министерство, ни Орден Феникса никогда не находили в себе достаточной храбрости, чтобы бросить ему здесь вызов.

Несмотря на все преимущества особняка, Волдеморт часто презирал это место и то, что оно собой выражает. Его репутация как восходящего тёмного лорда в молодости значительно возросла за счёт нападений на несравненно более слабых волшебников там, где те чувствовали себя в безопасности — как в крепости, где он сейчас находился. Он предпочёл бы оставаться мобильным и при этом никогда не позволять своим врагам узнать, откуда будет совершено нападение. Только лишь его ослабленное состояние заставило его в конечном итоге укрыться на своей старой базе, о существовании которой было известно лишь внутреннему кругу Пожирателей Смерти.

Что-то в ритуале восстановления тела пошло не так, он был в этом совершенно уверен. К сожалению, сам он провёл ритуал, извиваясь в котле от боли, когда бурлящее зелье рвало его рудиментарное тело в клочья. Но боль того стоила, даже если процедура и не прошла полностью успешно. Если повезёт, его проблемы ещё можно исправить. Он приказал Северусу Снейпу, одному из самых умных своих последователей, разобраться, что могло пойти неправильно.

Он часто задавался вопросом об истинной лояльности Снейпа. После всего, что случилось, у него не было никаких реальных оснований думать, что Снейп нелоялен к нему, несмотря на то, что произошло в годы после потери им силы. В те дни его Пожиратели Смерти думали только о себе, и хоть это можно было вполне понять, такое поведение заслуживало наказания. Нет, проблема Волдеморта со своим шпионом проистекала от того, что у этого человека был настоящий талант в обмане. Дамблдор, несмотря на многочисленные недостатки, дураком отнюдь не был. И Северусу Снейпу тем или иным путём удалось полностью обмануть одного из самых могущественных волшебников в истории. Вопрос был только в том, кого именно?

<http://tl.rulate.ru/book/35924/779381>